«Опасный сезон» как новая нормальность: почему 2026 год заставляет пересмотреть стратегию безопасности жизнедеятельности

Природные катастрофы перестают быть «редкими событиями» и превращаются в фоновый фактор существования целых регионов. Уходящий 2026 год дал этому сразу несколько болезненных подтверждений, и каждый из них – не просто трагическая статистика, а звено в цепочке нарастающей системной уязвимости. Землетрясения, ураганы, наводнения и аномальная жара действуют не изолированно, а накладываются на уже ослабленную инфраструктуру, социальное неравенство и ограниченность ресурсов, создавая эффект каскада, при котором последствия одного удара стихии многократно усиливаются другим. Именно этот каскадный характер и становится главным вызовом для безопасности жизнедеятельности, требующим пересмотра не только технических регламентов, но и самой философии подготовки к бедствиям.

Самым разрушительным событием первой половины года стало двойное землетрясение в Венесуэле 24 июня – подземные толчки магнитудой 7,2 и 7,5, последовавшие друг за другом с интервалом в несколько часов. Число жертв исчисляется тысячами, а совокупный ущерб оценивается в 30 миллиардов долларов. Это сильнейшее землетрясение в регионе с 1900 года, и его последствия выходят далеко за пределы сейсмологии: разрушенные здания, разорванные коммуникации и парализованная система реагирования обнажили проблему, которая в профессиональном сообществе обсуждается давно, но редко становится предметом политических решений. Речь о том, что повторяемость экстремальных событий растёт быстрее, чем способность инфраструктуры и служб спасения адаптироваться к ним. Когда два мощных толчка приходят почти одновременно, стандартные протоколы эвакуации и оказания помощи, рассчитанные на «одиночное» бедствие, перестают работать. Именно на этот аспект обращает внимание профессор кафедры «Безопасность жизнедеятельности» Финансового университета при Правительстве РФ, доктор педагогических наук Юлия Михайловна Гришаева. По её оценке, ключевая проблема сегодня – не столько прогнозирование конкретного землетрясения, сколько готовность людей и организаций действовать в условиях, когда один риск накладывается на другой. «Мы привыкли учить безопасности по сценариям, где есть одно событие и один правильный алгоритм. Реальность 2026 года показывает, что алгоритмы должны быть гибкими, а культура безопасности – формироваться не как набор инструкций, а как способ мышления, позволяющий быстро перестраиваться», – отмечает Гришаева, подчёркивая, что образовательные программы по БЖД до сих пор часто отстают от скорости климатических и техногенных изменений.

В октябре тихоокеанское побережье Мексики столкнулось с ураганом «Саймон» и остатками шторма «Рэйчел», которые принесли проливные дожди, наводнения и оползни. Погибли люди, десятки были эвакуированы, а спасательные операции осложнялись продолжающимися ливнями. Практически параллельно в Чили сильные дожди вызвали подтопления, массовые отключения электроэнергии и повреждения инфраструктуры. Эти события внешне выглядят как «привычные» гидрометеорологические катастрофы, но их аналитическая значимость в другом: они происходят в регионах, которые не относятся к числу наиболее уязвимых в климатическом отношении, и тем самым размывают само представление о «зоне риска». Когда экстремальные осадки становятся вероятными там, где к ним не готовились, нагрузка на инженерные сети, дренажные системы и аварийные службы возрастает непропорционально. Именно здесь проявляется разрыв между физической опасностью и институциональной готовностью, который доцент кафедры «Безопасность жизнедеятельности» Сергей Михайлович Григорьев, автор учебного пособия «Опасные природные процессы и защита от них», описывает через понятие «цены отсроченных решений». По его мнению, большинство профилактических мероприятий и инженерной защиты территорий окупаются многократно, но решения о них принимаются с запаздыванием, поскольку угроза кажется вероятностной, а затраты – немедленными. «Природные процессы в атмосфере, гидросфере и литосфере мы изучаем достаточно подробно, чтобы понимать их механизмы. Проблема не в дефиците знаний, а в том, что эти знания редко конвертируются в конкретные решения на уровне муниципалитетов

и предприятий. Учебные пособия и научные статьи описывают профилактику, но профилактика остаётся самой недофинансируемой частью системы безопасности», – формулирует Григорьев, чьи работы посвящены именно генетическим типам опасных природных процессов и мерам инженерной защиты. Его позиция подчёркивает важный сдвиг: в 2026 году дефицит безопасности всё чаще оказывается не техническим, а управленческим.

Если Венесуэла, Мексика и Чили символизируют «водный» и «сейсмический» полюса риска, то Европа и Северная Америка оказались в эпицентре тепловой аномалии. В июне в Германии была зафиксирована температура 41,8°C – новый национальный рекорд, а волны тепла накрыли Францию, Испанию, Италию и США, вынудив власти вводить режимы чрезвычайной ситуации и открывать пункты охлаждения. Учёные связывают это с изменением климата и отмечают тревожную асимметрию: Европа нагревается более чем в два раза быстрее среднемирового уровня. Для безопасности жизнедеятельности жара опасна не только прямыми тепловыми ударами. Она перегружает энергетические сети, снижает урожайность, ухудшает качество воды и воздуха, обостряет хронические заболевания и увеличивает смертность среди пожилых людей и социально незащищённых групп. Иными словами, аномальная жара – это не «погодный дискомфорт», а полноценная чрезвычайная ситуация с растянутым во времени действием, которая тестирует системы здравоохранения, энергетики и социальной поддержки одновременно. Гришаева в этой связи указывает на необходимость интеграции климатических рисков в повседневное планирование: «Безопасность жизнедеятельности перестаёт быть дисциплиной о том, как вести себя при пожаре или наводнении. Она становится дисциплиной о том, как проектировать города, производственные процессы и социальные услуги с учётом климатической нестабильности. Это требует межведомственного мышления, которого пока явно недостаёт». А Григорьев добавляет, что жара и засуха запускают цепочки вторичных рисков – от лесных пожаров до деградации почв, – и именно эти вторичные эффекты чаще всего остаются вне поля зрения оперативных служб, ориентированных на «первичное» событие.

Общий аналитический вывод из событий 2026 года состоит в том, что безопасность жизнедеятельности больше не может строиться вокруг отдельных угроз. Землетрясение, ураган, наводнение или жара – это лишь триггеры, запускающие каскады технологических, социальных и экономических последствий. Венесуэла показала уязвимость систем реагирования при повторных толчках; Мексика и Чили – разрыв между привычными представлениями о «зонах риска» и реальной географией экстремальных осадков; Европа – что тепловой стресс становится самостоятельным фактором чрезвычайной ситуации. В каждом из этих случаев эксперты фиксируют один и тот же дефицит: нехватку превентивных решений, гибких протоколов и культуры безопасности, ориентированной на неопределённость, а не на стабильность. Мнения Гришаевой и Григорьева, представляющих разные акценты – педагогический и инженерно-природный, – сходятся в главном: адаптация к новой нормальности требует не столько новых технологий, сколько смены управленческой логики, в которой профилактика перестаёт быть отсроченной статьёй расходов и становится обязательным условием жизнедеятельности. Пока же «опасный сезон» 2026 года продолжается, и вопрос состоит не в том, закончится ли он, а в том, сколько циклов разрушения и восстановления потребуется, чтобы этот сдвиг произошёл.

Гришаева Ю.М., Григорьев С.М.
Кафедра «Безопасность жизнедеятельности»
Финансового университета при Правительстве РФ